Откуда берутся частицы

Е.Г. Борисова (Широкова)

Предисловие-приношение

Как часто ненароком брошенное замечание способно изменить жизнь!

Я вспоминаю - с глубочайшим удовольствием, даже восторгом - те занятия по санскриту, которые вел у нас, студентов ОСИПЛ, Андрей Анатольевич Зализняк. Многое тогда осталось в памяти. Но самым решающим оказался ответ Андрея Анатольевича на наш вопрос о значении санскритской частицы iva. Андрей Анатольевич предложил: «А вот вы попробуйте объяснить французу значение частицы же». Как и многое другое, я восприняла сказанное Ipse как руководство к действию. Из этого получилась кандидатская диссертация. Но я не остановилась. И вот текст, в основу которого положена статья в сборнике «Семантическая типология» вып. 2, Воронеж, ВГУ, 2013г. Потом о том же я собиралась рассказывать на конференции по когнитивным наукам в 2014г., куда не удалось поехать. Так что, наверное, с текстом никто не знаком. Вот пусть и будет приношение к юбилею Учителя.

А еще, Андрей Анатольевич, очень хочется описать частицу ТИ, встречавшуюся мне в берестяных грамотах. Может, и удастся - еще не вечер!

Данная работа посвящена только одному виду семантической типологии – типологии производных значений, и только одному классу слов. Служебные (иначе, строевые, структурные, дискурсивные) слова обладают рядом особенностей, отличающих их от так называемой полнозначной лексики. И описывать их удобнее с применением иного метаязыка. Однако в основе своей они оказываются «тоже словами». И то, что легко выявляется

при исследованиях этой лексики, впоследствии может быть применено и для других частей речи.

1. ***Связи внутри лексемы и за ее пределами***

Существование связей между значениями многозначного слова во многих случаях настолько очевидно, что признается всеми лексикологами. (Явно нигилистическая в этом смысле позиция И.А. Мельчука, долго игнорировавшего многозначность и объявившего лексемами отдельные значения слова, в более поздних вариантах Модели «Смысл – Текст» была преодолена: значения продолжали называться лексемами, но вводилось и объединяющее значения одного слова понятие «вокабула»). Более того, уже давно осуществлялась типология семантических связей: метафора, метонимия, синекдоха, а на основании выявленных типов семантического переноса строились многообещающие теории. В частности, изучение метафоры положило начало когнитивному подходу в языкознании.

Связь между значениями в некоторых случаях темна, сложна для выявления, тогда говорят о пограничных случаях между полисемией и омонимией, т.е. отсутствием связей. Однако нередко технологии вывода из одного значения другого оказываются вполне прозрачны и даже могут иметь практическое применение. Например, при изучении неродного языка полезно показать, как очередное изучаемое значение слова (например, *учитель* в значении «идейный или духовный лидер») связано с его основным значением, выученным ранее: «тот, кто учит людей, в частности, детей». Типология производных значений в полнозначных словах рассматривается в работах А.А. Зализняк, Е.В. Рахилиной и их учеников.

Особенно важна эта связь при описании служебных слов. В большинстве случаев различные частицы и междометия выражают сходные функции: усиления, подчеркивания, сильных эмоций). Однако сами по себе эти слова не являются синонимами, не взаимозаменимы. Поэтому, отмечая выражаемые им функции (мы считаем это свойство назначением лексико-семантического варианта слова), следует описывать и собственно значения,

причем показывая связь с общим значением этого служебного слова (например, **же** – «сообщаемое должно быть уже известно адресату», **же** в усилении просьбы – «просьба подается как уже известная, повторная, что должно требовать выполнения»).

Таким образом, для большинства частиц, междометий и других дискурсивных слов удается установить семантические связи между частными значениями. Причем нередко эти связи устанавливаются «через границы частей речи». Так можно установить связь и союза **а**, и частицы **а** с общим значением. В некоторых случаях эта связь близка к этимологической, т.е. выводит на какие-то иные части речи, например, частица **тут** связана с местоименным наречием **тут**. В данном случае основное внимание мы будем уделять именно семантике, поэтому теоретико-грамматические вопросы оставляем за рамками исследования. Семантические связи, ощущаемые как живые, будут рассматриваться и в пределах одной лексемы, и с ее этимоном.

2. ***Семантическая типология европейских частиц***

Мы рассматриваем семантическую типологию усилительных частиц европейских языков (русского, немецкого, английского, французского, болгарского). «Евроцентризм» исследования объясняется тем, что усилительные частицы других языков (в частности, китайского, санскрита) описаны недостаточно хорошо. Впрочем, и для европейских языков имеющиеся результаты не дают возможности говорить, к примеру, о мэппинге, что нередко является основой для сопоставления семантики слов, а иногда и для типологических выводов.

Усилительные частицы достаточно часто имеют внешнее сходство с полнозначной лексикой или местоимениями, что позволяет говорить о когнитивных механизмах развития дискурсивного значения. Впрочем, иногда связь оказывается довольно темной (частица **ведь** связывается с повелительным наклонением глагола вѣдати, однако значения частицы отстоят от этой словоформы весьма далеко). Наконец, есть и частицы, имеющие индоевропейское происхождение, которые даже на столь глубоком

уровне не показывают связей с полнозначной лексикой. Понятно, что случаи темной или даже не вполне ясной этимологии мы отбрасываем. Совершенно очевидные, бросающиеся в глаза связи имеются в достаточном количестве, чтобы сделать выводы – хотя бы приблизительные – о типологии когнитивных механизмов дискурсивных слов, в первую очередь частиц. Еще больше возможностей предоставляет анализ так называемых вводных слов, которые тоже будут приниматься во внимание.

3. ***Пространственная метафора и функция усиления***

При анализе когнитивных механизмов усилительных частиц обращает на себя внимание наличие частиц, совпадающих или, по крайней мере, очевидным образом связанных с указательными местоимениями. В некоторых случаях выделение частичного значения от местоименного (или наречного) представляет известную трудность. Так, не всегда частица ТУТ отделяется от местоименного наречия места. Но для ТАМ, -ТО, а также для ЭТО, ВОТ в русском языке сомнения не возникает. То же самое можно сказать об английских *then there*, которые не всегда отмечаются как дискурсивные (в этой функции они интерпретируются как частица и междометие соответственно). Не вполне совпадает немецкая частица denn и наречие dann «тогда», однако практически для всех связь очевидна.

Сохранение местного (или местно-временного) и указательного значения позволяют предположить моделирование реальности и миров говорящего как ментальных пространств, в которых указания позволяют обращать внимание слушающего на различные аспекты смысла, оценки, эмоций и т.п. (см. Борисова, Овчинникова 2011, Овчинникова 2007). При этом в дискурсивном значении практически все рассматриваемые слова становятся многозначными, однако и в этом случае удается провести параллель между первичными указательными значениями и развившимися в дальнейшем, например, примерным у частиц ВОТ и ВОН и т.п.

4. ***Идентификация и усиление***

Близким к «указательно-местоименному» типу можно считать «идентификационный» тип, когда возвратное местоимения САМ, СЕБЯ, фр. Même, а также прилагательное *собственный*, фр. наречие proprièment (dit) используются для выполнения дискурсивных функций; привлечения внимания, отвлечения внимания и т.п. Они не всегда отмечаются в этом качестве, однако усилительная функция *сам* в примерах типа *А ты сам что об этом думаешь?* Или *Он назначил свидание, а сам не пришел* очевидна. Здесь мы видим использование слова *сам* для выделения, привлечения особого внимания, что отмечается в различных работах (см. Борисова 1989, Урысон 1995) и – в той или иной мере - практически во всех словарях. Заметим, что возможность использования слова *сам* для привлечения внимания (усиления) проявляется в связанном с ним прилагательном *самый*, означающим превосходную степень. Эта возможность является импликатурой функции идентификации: она может получить толкование «не кто иной, как Х», т.е. содержит в себе выделение объекта из ряда подобных, что широко распространено среди дискурсивных частиц.

Заметим, что в немецком языке слово, переводящееся как «собственно» eigentlich, широко используется и в функции усилительной частицы.

С другой стороны, в русском языке известно и использование местоимения *себя* (в дательном падеже себе) в значении «нет реакции на внешний мир»: *А он знай себе играет и в ус не дует*. Здесь идентификация связана с отмеченной нами выше пространственной метафорой, т.е. может рассматриваться как средство очерчивания личного пространства говорящего.

5. «***Шкала», или метафора одномерного пространства.***

В какой-то мере с моделированием реальности через пространство связано и использование понятия предела или шире, шкалы, на которой отмечается особая точка как предел для чего-то. Понятие временной шкалы употребляется для описания наречия *уже*: до какого-то момента этого не было, хотя и ожидалось, после какого-то наступило. Совершенно естественно

видеть такую же шкалу, но не временного, а когнитивного плана, в значении частицы УЖ. Так, пример *Ты уж мне это сделай*, где УЖ маркирует сдержанную, но настойчивую просьбу, может интерпретироваться как «До какого-то предела я не просил. Но теперь предел достигнут, и просьба должна быть выполнена» (Аналогичные модификации общего значения частицы уж могут быть выявлены и в других частных значениях этой частицы, например *Уж в этом-то он не виноват* и т.п.).

Схожую шкалу можно выявить и в значении частицы НУ. Она очевидным образом связана с междометием НУ и так или иначе маркирует наступление нового состояния, что проявляется и в побудительных предложениях с НУ: *Ну же!,* где НУ передает призыв к новому действию, и в усилительных: *Ну это ты можешь сделать без меня* (ср. *Уж это…)*

Подобное переосмысление может встретиться и в западно-европейских языках: нем. Shon *(Shon gut, schon gut* – «Ну, ладно, ладно!», фр. Enfin.

6. «**Истинность»**

Типологически распространенным является и понятие истинности, утверждения о верности, используемое для подчеркивания смысла сообщения. Это в явном виде проявляется в случае употребления немецкой частицы ja, используемой и как утвердительный ответ, и как усилительная частица в предложении*: Ich bin ja müde. – Я-таки устала*. Схожие соображения высказывались А.Н. Барановым и о русской частице ДА, тоже используемой в двух функциях.

Аналогичную апелляцию к истинности можно встретить и в использовании дискурсивных слов анг. *In fact Actually,* рус. *на самом деле* и в других случаях. Связь дополнительного подчеркивания истинности и функции усиления сообщения кажется очевидной, вывод минимален. И скорее можно удивляться относительной немногочисленности использования этой модели (впрочем, отмеченная семантическая близость, возможно, препятствует вычленению функций усиления при употреблении соответствующих слов)

7. **Положительная оценка**.

Во многих языках положительная оценка может употребляться и в функции ответной реплики, и в усилительной функции. Это относится к франц. Bon «хороший, хорошо», которое нередко употребляется для подчеркивания, англ. Well, употребляющемуся в начале предложения и ряде других. Положительная оценка может стать одним из способов выражения высокой степени, ср. добрый шмат мяса, что означает «большой». Заметим, что в русском эта модель тоже представлена, в частности, в употреблениях слова ладно в начале предложения, однако импликатуры и этого слова, и слова хорошо, и связанного с положительной семантикой слова хоть (явно от глагола хотеть) дает импликатуры не столько усиления, сколько уступительности: *Ты мне хоть скажи правду* (*«*Другого не жду, но правду обязательно»).

8. **Повторяемость**

Эта модель слабо представлена в русском языке, разве что в некоторых употреблениях слова *еще: Он еще как недоволен*! Ее можно усмотреть в болгарском пак, фр. Encore: *Si encore elle s'expliquait, je pourrais changer d'avis.* «Вот если б она объяснилась, тогда я бы изменил мнение».

В принципе импликатура от добавления к подчеркиванию представляется естественной, однако частицы, или точнее, употребление данных слов в виде наречий описано не очень хорошо, что не позволяет сделать убедительных выводов.

Заключение

Мы рассмотрели те случаи развития семантики и функций усилительных частиц и дискурсивных слов, которые были наиболее очевидны и заметны для тех, кто сталкивался с этими словами в европейских языках. Одни модели просто-таки бросались в глаза, в частности, пространственная метафора, шкала, идентификация. Другие представлялись распространенными, но мало изученными, в частности истинность, а также не затронутые здесь известность, обобщение и ряд других. Типология в

больших масштабах станет возможна только, если будут получены хорошие описания данных классов слов, включающие и указания на функции, и частные значения одного слова, и общее значение, откуда можно провести более или менее очевидные связи с этимонами. Понятно, что следует охватить гораздо больший массив языков. Но хочется надеяться, что и данный опыт типологии развития усилительных и дискурсивных функций тоже может быть полезен как один из первых шагов в данной сфере.

Литература

Баранов А.Н. "Выделительное" и "событийное" значения частицы "да" : материалы к изучению семантики и прагматики диалога.- учен. зап. Тарт. ун-та- 1987. Вып. 751. Тр. по искусств, интеллекту. - с.32-48.

Борисова Е.Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопросы языкознания. 1989. Т. 48, № 4. С. 351-364.

Борисова Е.Г. Языковые средства взаимодействия автора и адресата. Коррекция ожиданий адресата// Русский язык исторические судьбы и современность : IV Международный Конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический ф-т, 20-23 марта 2010г.) Труды и материалы. – М.,МГУ, - с. 107-108

Борисова Е.Г., Овчинникова Т.Е. Параметр близости в метафорическом пространстве// Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25-29 2011 г.). Вып. 10 (17). М.: РГГУ, 2011. – с.146 – 152.

Кобозева И.М., Орлова С.В. Одноклеточные организмы общения под микроскопом: немецкая частица *ja* в сопоставлении с ее переводными эквивалентами *ведь* и *же*. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 7/14, М.: 2008.

Кобозева И.М., Щедрина Н.С. Дискурсивные единицы собственно и фактически как средство манипуляции представлениями адресата // Эффективность коммуникации. Сб. статей М.: МГПУ, 2009 — с.95–101.

Матько И.Д. Коммуникативные функции дискурсивных модальных частиц во францзском языке – Гродненский госун0т им. Янки Купалы, 2008.- 192 с.

Урысон Е. В. Словарная статья местоимения *сам*: проблемы описания лексической многозначности // Апресян Ю. Д. (отв. ред.) Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики М.: Наука, 1995, стр. 82—125